

# КРЕАТИВНОСТЬ СЕРДЦА И КРИЗИС БЕССЕРДЕЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

(по работам И. А. Ильина)

*Гончаров С. З., Кудиенко К.*

Культуре присуща ценностная природа. У всех народов она развилась от культовой деятельности, от воли к совершенству. Совершенство – абсолютный исток и духовности, и религии, и культуры, и воспитания. Дух есть, писал И. А. Ильин, – «любовь к совершенству». Религия культивирует эту любовь, исходя из абсолютного, божественного. Культура воплощает дух совершенства в зримые эталоны и образцы человеческой субъективности. Совершенство есть содержание, гармонично соединяющее в себе истинное, доброе и прекрасное. Из этого понимания и переживания исходили русское православие, классическая философия со времен Платона, а также творцы классической культуры и великие педагоги.

Ценности же человек избирает чувствами, а мышление обосновывает ценности. Чувства бывают *внешнепредметные*, возникающие от физического воздействия; и *внутренние, духовные*, возникающие от переживания значений (радость, уважение, презрение и т.п.). *Сердце есть сосредоточие таких духовных чувств*, оно – *понимающие чувства*, «чувства - теоретики»! «Сердце» – одно из самых употребительных в Евангелиях, в русской философии. «Сердце есть, – отмечал П. Д. Юркевич, – сосредоточие душевной и духовной жизни человека». Мир в его жизненной значимости открывается «первое всего для глубоко сердца и отсюда уже для понимающего мышления, лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» (9, с. 69, 72, 82 – 83). Задача статьи – реконструировать идею Ильина о *сердечном созерцании* как о *духовном органе* продуктивного творчества в культуре.

Если на первом этаже психики воображение соединяет чувственное восприятие и рассудок (*чувственность – воображение – рассудок*), то на ее втором этаже сердце соединяется с целеполагающим разумом *духовным сердечным созерцанием* (*сердце – духовное созерцание – разум*); это созерцание – *высшая форма постижения реальности*: в нем понимающие чувства и целеполагание разума синтезируются в *новое, духовное состояние*, и

человеку открываются новые грани бытия, недоступные «одноэтажной» психике. Рассудок осуществляет *логический* синтез – со стороны *формы, отношений, структуры*. Сердце творит *аксиологический (ценностный) синтез*. Ценности направляют самоопределение человека, в них заложена *генетика социального поведения*. Сердце синтезирует явления в аспекте их значимости для человека на основе *однородного чувства совершенства*. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроем души скрывается их глубинная основа – чувство совершенства. Это чувство есть корень религии, нравственности и искусства. «Религиозная вера горит именно тогда, когда она есть проявление *свободной любви к безусловному совершенству*» (2, с. 56). Если совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, то нравственной воле как *добро*, а эстетическому созерцанию как *красота, прекрасное*. Все положительные ценности и чувства есть многообразные выражения совершенства. В культурном творчестве синтез сердца является базисным.

Сердце – сосредоточие понимающих чувств! Самым житнетворческим чувством является любовь. Где она начинается, там кончается безразличие, человек сосредоточивается на любимом содержании, *«вживается в любимый предмет вплоть до художественного отождествления с ним»*, «проницательность» по отношению к любимому предмету доходит до *«ясновидения»* (1, с. 50-51). Иногда эта сила переносится на других людей и даже на весь мир, как у гениальных художников. Ильин различает «любовь инстинкта» (душевную любовь) и «духовную любовь». Они могут соединяться в одно целое. Формула первой такова: «этот предмет мне нравится, значит ему должно быть присуще всякое совершенство». Нередко за такой идеализацией следует разочарование. Духовная любовь тяготеет к *объективно лучшему* – к *«качеству, достоинству, совершенству»*; к *«божественному совершенству во всех явлениях»*; она – *«вкус к совершенству»* (1, с. 56-57).

Логика Ильина такова: подобное познается подобным, совершенное содержание – совершенным чувством, любовью. Любовь – это «ворота», через которые в нашу душу входит совершенное содержание, составляющее *пространство духа*. Этим содержанием любовь направляет мышление к объективной *истине*, волю к сотворению *добра*, созерцание к обретению *красоты* и

художественности в целом, а веру к *божественному*. Вот почему духовная любовь – первый и *глубочайший* источник духовного опыта и всей культуры. Понимание сердцем целостное, оно прозревает за реальностью ее нравственно-эстетически-религиозную значимость, соединяет в единый смысл значения событий и дает им *интегральную, креативно-антропологическую* оценку, недоступную для рассудка. Сердцу ведомо чувство родного. Родное объективируется в *благое содержание* – как любимый человек, семья соборное «мы», отеческое наследие, родной язык и родная культура, Родина, Отец Небесный и др. Это – чувство Дома, а не чужбины; это – «животворящая святыня», основа «самостоянья человека», «залог величия его»; без родного «наш тесный мир – пустыня», «душа – алтарь без божества» (А.С.Пушкин).

Из чувства родного вырастают *преемственность поколений, национально-культурная идентичность, духовное единение* народа. Кризис технической цивилизации заключается в угасании любви и воли к совершенству, чувства родного и Родины, в формальной образованности, ориентированной на технику жизни, в верховенстве рационально-волевого начала над духовно-ценностным. Культуротворящий акт современности исходит из первого этажа психики и создает *бессердечную* культуру, тяготеющую к пошлости без святынь. Такая культура есть техногенная цивилизация, устремленная на обустройство *внешней* жизни внешнего человека. В ней главными являются *техника, бизнес с его товарно-денежной связью, право и наука, разрабатывающая технологии*.

*Без сердца мышление* остается безразличным, релятивистским и продажным; ему все равно, за что браться, что доказывать и пропагандировать; лишенная вчувствования в предмет, оно сугубо аналитично, все разлагает и подкапывает, оперирует пустыми конструкциями. «Отсюда – формализм и схоластика науки, формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абсолютно мертвая филология, пустая и безжизненная философия» (6, с. 396).

*Бессердечная воля*, лишенная любви, становится безжалостной и жадной до успеха; она стремится к власти, к обладанию, для нее все средства хороши; она творит тоталитарные государства, антисоциальный капитализм, империалистические войны и является

достоянием всех карьеристов и тиранов. Воля не имеет верного критерия выбора. Она есть сила концентрации, лишенная очевидности. Самые отвратительные и преступные организации в истории строились и держались силою воли (3, с. 540).

Воображение без любви есть, в конечном счете, «безответственная игра и жеманство», «изобретательный произвол» без художественного совершенства (6, с. 396-397). На этом пути слагается искусство мнимое, «часто ничтожное и пошлое»: «это пестрые, безвкусные, праздные обрывки»; «это больные выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распущенности», обломки безобразных замыслов, неестественные выверты, противоестественные химеры. «И над всем этим царит какая-то чувственная возбужденность, нервная развинченность и духовная пустота, – три свойства, все вместе определяющие атмосферу современного «модернизма» в искусстве» (7, 65-66). Искусство модернистов «бредит на языке больных страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом (7, с. 67-68). «И невольно возникает вопрос: искусство это или больной бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение?» Культура Запада, замечает Ильин, как бы построена *изо льда и камня*. Современный человек *«стыдится своей доброты и не стыдится своей злобы»* (6, с. 395).

Современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать три основы духа – свободу, любовь и предметность. «Она захотела быть культурой *свободы* и была права в этом; но она не сумела стать культурой *сердца* и культурой *предметности*». «Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии» (8, с. 179–180).

Наивно воображать, продолжает Ильин, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена. Ибо рассудок без любви и без совести, есть «разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми». Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном

наполнении и предметном осуществлении (8, с. 181). Осуществить социальную свободу могут *«только люди с сердцем и с предметною волею, ибо справедливость есть дело живой любви и живого совестного созерцания, т. е. – предметно построенной и устроенной души»*.

Вывод один. Кризис культуры проистекает из *неверного культуро-творящего акта*. Надо перестроить *саму его структуру*, руководствуясь «вторым этажом» и внести обновленный культуро-творящий акт не только в искусство, науку, религию, но и в образование, хозяйство, социальные отношения, государственное строительство. Надо *«растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость»* (8, с. 183). Ибо верный жизненный выбор – дело духовной любви. Кто ничего не любит и ничему не служит, тот бесплоден (3, с. 540). Только любовь может ответить человеку на важнейшие вопросы его жизни: чем стоит жить? Что отстаивать? *«Все остальные душевные и телесные силы человека суть «верные и способные слуги духовной любви»* (3, с. 541; курсив наш – С. Г.).

Духовную *предметность* всем этим способностям (восприятию, воображению, мышлению, вере и др.) сообщает сердце – *«сила духовной любви»*. Так слагаются *высшие духовные органы* человека. Любовь превращает воображение в *предметное* видение, в сердечное созерцание, из этого вырастает религиозная вера. Любовь наполняет мысль *живым содержанием* и дает ему силу предметной *очевидности*. Любовь превращает волю в могучий *орган совести*. Любовь очищает и освящает *инстинкт* и отверзает его *духовное око*, соединяя с идеалом. Любовь *облагораживает* чувственные восприятия, она придает им *художественный* смысл и заставляет их служить искусству (3, с. 541). Любовь – это *интегральный культурный вкус совершенства*.

Сердечное созерцание образуется приблизительно так. Духовная любовь овладевает воображением, наполняет его своей силой и указывает ему *достойный предмет*. В человеке образуется орган творчества, познания и жизни, окрыляющий его (3, с. 541-542). Человек *предметно вчувствуется* и сочетает *объективизм предметной культуры* со *всею силою лично субъективного самовложения*. От этого его творческий акт получает новое направление и новую силу. Если к этому присоединяется

художественное дарование, то он приобретает особую мощь (3, с. 542). Созерцающее вчувствование может постепенно овладевать всеми способностями человека: инстинктом, волею, мыслью и другими силами духа. Тогда душа будет повиноваться каждому предмету. От этого у гениальных художников накапливается сокровище из разнообразнейших образов мира, и может показаться, что этот художник обладает каким-то «всеведением» (Пушкин, Достоевский, Леонардо да Винчи, Шекспир); что этому художнику открыто *все*, что *все* он знает, все видит; что дух его древен, как мир, ясен, как зеркало, и мудр некой божественной мудростью; что именно поэтому он «всегда творчески юн и нов, оригинален и неисчерпаем» (3, с. 542).

Ильин конкретизирует сердечное созерцание. Оно – вчувствование «*в самую сущность вещей*»; «*тотальное вживание в любое жизненное содержание*» и культурно-творческое его претворение (3, с. 543). Дар созерцания предполагает *повышенную впечатлительность духа*: способность восторгаться «всяким совершенством и страдать от всяческого несовершенства». Это есть некая «обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях». Созерцающий не задерживается на поверхности явлений, но видит эту поверхность с тем большей остротой и точностью, чем глубже он проникает в их сокровенную сущность (4, с. 350). «Сердечное созерцание, – заключает Ильин, – сообщает культурному акту предметность, пронизательную глубину, духовную значительность и творческую силу» (3, с. 544).

В познании оно может возвыситься до «интеллектуальной видения» (Платон, Гегель). В этике и политике, в целепонимании и действии оно может открыть человеку предвидение событий. В сфере права оно пробудит живую интуицию правосознания и сообщит ему такое предметное правовое видение (свобода, справедливость, братское единение), о котором «современная юриспруденция забыла и думать» (3, с. 544). «Что касается художественного творчества, то его настоящий источник живет именно в сердечном созерцании. Воображающее вчувствование ... открывает человеку все двери и все богатства вселенной; нет ничего такого, что могло бы заменить художнику луч созерцающего сердца, – ни в замысле, ни в вынашивании, ни в формировании, ни при завершающей отделке» (3,

с. 544). Те реальности, которые определяют «смысл жизни», «открываются и обогащают дух *только через сердечное созерцание*». В конце концов «сердечное созерцание составляет подлинную сущность всякого творческого отношения человека к человеку: без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи, но лишь бледные и обманчивые тени живого общения» (3, с. 545).

Итак, сердечное созерцание исходит из *любящего и поющего сердца* и поэтому оно – *любящее созерцание, а значит и творческое, и художественное*. Оно *прозревает объективно лучшие измерения предмета*, вживается в них, живет предметом, созерцает его и говорит *из предмета и о предмете*. Когда мы понимаем одним мышлением, то мы строим активностью своего «Я» (апперцепции) форму, структуру предмета. Понять – значит построить. Это – логическое понимание. Понимание, исходящее из сердца, иное – *ценностно-образно-эмоционально-побудительное!* Оно богаче содержанием, многограннее, позволяет созерцать мыслимое содержание в его высших смыслах и схватывать скрытые гармонии и совершенные отношения. «Талант, оторванный от творческого созерцания, *пуст и беспочвен*» (4, с. 342-343), он начинает создавать «пустую красоту или соблазнительную яркость» (4, с. 345). Творческое созерцание – *«истинный и глубочайший источник художественного искусства»*, «здесь таится вдохновение – эта *благодатная сила творческого перворождения*» (4, с. 351).

Русская культура, подчеркивал Ильин, творится из *сердца*. «Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» (5, с. 323).

В российской ментальности «первичные силы» (сердце, созерцание, свобода, совесть) «определяют и ведут», а «вторичные силы» (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и приемлют от них свой закон» (5, с. 329). На громадном историческом и художественном материале Ильин убедительно обосновывает такое строение национального духовного акта (6). Первенство сердца в русской ментальности имеет издержки в том смысле, что в

реализации поставленных целей эмоции часто уводят мысль и волю в сторону, поэтому задачей воспитания является развитие последовательности в мышлении и твердости воли: «нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации» (5, с. 327-328).

В русской науке сложился метод живого *творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует *фундаментальность* русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, «экономический организм» страны, «целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями.

*Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета*. Из этого метода следует масштабность русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа. *Целостность схватывается только созерцанием!* Понятия как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием предмета, вырождаются в термины без предметного содержания. Сколько ни говори «система, система», «бифуркация, бифуркация» от этого без творческого созерцания образ целого в его конкретности не появится. Без творческого созерцания омертвевает всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетика. Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности; она была постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении. Русское искусство, подчеркивал Ильин, призвано развивать «тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно



руководствовалось доселе. ... У русского художества *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца, ... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения, ... без ответственного, предметного и совестного служения (5, с. 329).

Остро актуальны мысли Ильина и о воспитании в «грядущей России». Бессердечная «формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» (8, с. 179); то «шкурничество», то «беспринципную изворотливость, тот «циничный эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей. (8, с. 183). Практический эгоцентрист и циник, не ведающий высшего смысла и дела, будет существом «социально опасным». Новые поколения должны воспитываться «*к сердечной и предметной свободе*». Эта директива – на сегодня, на завтра и на века (8, с. 179, 181).

Современная культура, включая российскую, обретет второе дыхание, если она унаследует качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и поставляет материал мышлению для оформления и воли для осуществления и организации; если она соединит свободу, любовь и предметность.

#### *Литература*

1. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 2003.
2. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993, т. 1.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3.
4. Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II.
5. Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992, т. 1.
6. Ильин И. А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8
7. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. I.
8. И. А. Ильин. О воспитании в грядущей России // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2.
9. Юркевич П. Д. Филос. произв. М., 1990.